

ПРОЛОГ

Дверь следственного изолятора бесшумно открылась, и к седовласому капитану, мирно дремавшему за столом, подошел молоденький прапорщик Коробец.

— Олег Леонидович, — осторожно окликнул он спящего.

Капитан быстро поднял голову, которая всего секунду назад беспомощно лежала на его запястьях, и часто заморгал глазами, пытаясь прогнать остатки сна.

— Чего тебе? — немного недовольно спросил офицер.

— Там какой-то мужик в штатском, — негромко произнес Коробец. — Рвется к подозреваемому. Я его не пустил.

— Кто он? Кем представился? — спросил капитан.

Он поднялся из-за стола, слегка одернув китель, поправил галстук и уставился на фуражку.

— Гуров, говорит. Лев Иванович. Пришел к полковнику, подозреваемому в убий-

стве. Я говорю ему: «Вы знаете, сколько времени?» А он говорит: «Знаю. Два часа ночи». И все. Он там, у турникета. Требуется, чтобы я вызвал старшего... Ну, то есть вас.

Капитан больше ни разу не посмотрел на прапорщика, надел фуражку, заломив ее на затылок, и не спеша вынул из кармана грохочущую связку ключей. Затем достал сигарету из помятой пачки, сунул ее в зубы и пошел на проходную, едва заметно прихрамывая. Прапорщик оказался на голову ниже своего начальника. Он вздохнул, подозревая что-то недоброе для себя лично во всей этой нештатной ситуации, и последовал за капитаном.

Когда капитан с опухшими глазами, густыми седыми усами и воспаленными белками глаз вышел к ночному гостю, произошло совершенно неожиданное для молодого прапорщика. Капитан подошел к незнакомому коренастому человеку, крепко пожал ему руку и негромко сказал:

— Приветствую вас, Лев Иванович...

— Привет, — недобро и немного укоризненно буркнул Гуров, поглядев на капитана исподлобья, как он обычно смотрел на человека, который в чем-то провинился.

— Ну что вы на меня так смотрите? — сконфуженно спросил капитан. — Я, что ли, его сюда привез, Лев Иванович? Привезли,

сунули в камеру... А я хожу приглядываю. У меня работа такая. Пойдемте, я проведу, — буднично и несколько уныло предложил капитан, увлекая за собой Гурова.

Они прошли мимо прапорщика так, словно его не было при этом разговоре, и потому тот отдал Гурову честь без особой охоты. После чего капитан бросил на подчиненного крысиный взгляд, сказав с явной безнадегой в голосе:

— Запомните, товарищ прапорщик, этого человека. Руководителей, начальников и оперов нужно знать в лицо.

Гуров бросил на прапорщика понимающий взгляд. Такой, как если бы новичок ошибся с именем-отчеством большого руководителя. После этого они с капитаном загрохотали в пустом коридоре решетчатыми стальными дверями.

— А пропуск оформлять? — крикнул им вслед прапорщик Коробец.

— А если он за ночь девять раз придет, пять раз один и четыре с адвокатом? — спросил у него Олег Леонидович и, не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, пошел дальше по коридору вслед за фигурой неведомого Коробцу Гурова, которого здесь, выходит, все знали и уважали так, что хоть фуражку ломай перед ним.

— Новичок, — спокойно сказал капи-

тан, не углубляясь в анализ поведения своего подчиненного.

Прапорщик молча выслушал наставления капитана, кивнул и задумался.

— Вы что? Не показывали ему удостоверение? — спросил капитан Гурова.

— Он даже не спросил его у меня, — строго и безразлично ответил Гуров, подойдя к крайней камере, той, где обычно держали задержанных сотрудников правоохранительных органов.

— Но ведь ночь, товарищ капитан. Условия повышенной бдительности, — не унимался Коробец.

— Хватит орать! Спать охота! — крикнул кто-то из камеры. — Разорались...

— Ночь? — переспросил капитан,образив, что Коробец так и не понял, кто такой Гуров. — Вот и приготовь им кофейку да принеси по две чашки. Чтобы завтра не вылететь с работы, — он по-житейски подмигнул своему подчиненному. — В двадцатой камере.

Последнее высказывание было адресовано Гурову. Полковник кивнул. Звякнул запор.

— Есть! — без особого энтузиазма буркнул прапорщик и пошел запирать двери проходной, а также готовить кофе и, если потребуют, бутерброды. А если еще сильнее

потребуют, он и в магазин побежит за тем, за чем послан будет.

Крячко не спал. Он, прикрыв глаза и вытянув ноги на нарах, мучился одним-единственным вопросом. Кто? Кто так ловко его подставил?

Капитан пропустил Гурова в камеру, посмотрел на часы и хрипло сказал:

— Давайте в темпе, мужики. Все-таки, если разобраться, это я нарушаю устав, а не мой прапор.

После этого он замкнул камеру на замок.

Гуров подошел к лежавшему на спине Крячко. Станислав открыл глаза. Гуров заглянул в них и увидел то глубокое чувство безнадежности, которое переполняло сердце его товарища, все понял, и они просто молча пожали друг другу руки. Гуров постоял еще немного подле неподвижно лежавшего в депрессии друга и соратника, а потом перешел к противоположным пустующим нарам и сел, устало скрестив между собой пальцы рук. Говорить было трудно, поэтому оба молча глядели друг на друга. Так прошла минута или даже чуть больше. Подниматься Крячко не хотел, но все же сел. Волосы на его голове были растрепаны и сбились на правый бок.

Гуров, осмотрев помещение, с щемящей грустью подметил:

— Телевизор бы сюда.

Он вроде бы пошутил, но тут же почувствовал, что невинная на первый взгляд реплика пришлась явно не к месту и не ко времени.

Стас потер лоб, с досадой добавив:

— Да, хорошо бы. А еще вина и балеринку.

Оба немного посмеялись.

— Ловко они меня, — сказал Крячко. — Чисто. Не подкопаешься.

Гуров тем временем вспоминал их дела за последнюю пару лет. Как известно, дыма без огня не бывает. Следовательно, где-то должен был отыскаться и тот, кому могло быть выгодно нынешнее плачевное положение, в котором оказался полковник Крячко.

— Кто это? — в тон товарищу спросил он. — Как ты думаешь?

— Что тут думать? — вздохнул Станислав. — Кто-нибудь из отсидевших из-за меня припомнил. Или какой-нибудь свежий человек постарался, с которым я должен был столкнуться со дня на день.

Гуров достал сигареты, зажигалку и бросил их на табуретку. Они закурили. Лев Иванович поднялся, отошел к окну. За решеткой стояла темная осенняя ночь. Вновь потянулись напряженные минуты молчания и раздумий.

— Так, ладно. Давай по порядку, — неожиданно бодро сказал Гуров. — Сначала рассказывай, как все случилось. Потом думать будем, что мы имеем.

— Основная версия такова. Крячко Станислав, полковник Главного управления уголовного розыска, раскаивается в том, что убил, находясь в невменяемом состоянии, гражданку Пискунову, выбросив ее в окно с девятого этажа. За то, что она отказалась вступить с ним в интимную связь после совместного распития спиртных напитков...

— Основная так основная, — не стал спорить Гуров. — А было-то как на самом деле? Ты мне расскажешь? Ты особо-то не волнуйся, в наше время не расстреливают. Впяют лет семь, а там, глядишь, пенсия, — улыбнулся он, с превеликой охотой затягиваясь сигаретой, словно сам отсидел в этой камере не меньше суток.

Он будто и не замечал легкого ожесточения в голосе Крячко.

— Я и не волнуюсь, — холодно ответил Стас. — Сроком меня не взять на понт.

Гуров еще немного похмыкал чему-то своему, и вдруг у него прорвалась на язык мысль, сидевшая в голове как заноза:

— Ты где ее раздобыл-то? Эту самую госпожу Пискунову?

Сыщик немного походил по камере и снова сел на свое прежнее место.

— Ты зря, — хмуро откликнулся Крячко. — Нормальная девчонка. Про нее ничего плохого не скажу. — Стас бросил на парника недовольный взгляд.

— Вот как? — восторженно удивился Гуров, не зло, но как-то снисходительно закатив глаза. — А про кого скажешь?

Стас попытался погрузиться в воспоминания, но, видимо, снадобье, которое ему добавили в стакан, легло тяжким параличом на его память.

— Не знаю я, — сердито отмахнулся он. — Я только в отделении пришел в себя. Что там было за пойло?.. Не пойму. Девчонку я отбил у пацанов, которые начали ее избивать.

— А она с ними связана?

Гуров понял, что пока рано расспрашивать друга и соратника о весьма болезненных подробностях происшествия.

— Вроде нет, — Крячко стряхнул пепел с кончика сигареты в алюминиевую банку из-под пива. — Мы с ней вместе шли из магазина. Немного поговорили. А потом... Потом эта драка, черт бы ее побрал. Все у нас во дворе и произошло. После я, естественно, пригласил ее к себе.

■ — Она, естественно, не отказалась.

— Лева, не надо пошлостей, — поморщился от дыма Крячко. — У нее была очень серьезная рана на ноге, которую требовалось сразу же обработать. Все было по-человечески.

— Да куда уж еще, — совершенно без всякого подначивания заметил Гуров. — Сколько было нападавших?

— Человека четыре, — морща лоб, ответил Стас и снова старательно его потер, словно на нем была болезненная шишка.

— Детали помнишь? — не отвязывался Гуров, чувствуя, что надо бы заканчивать с допросом.

Крячко следовало хорошенько отоспаться, прежде чем давать объяснения. Тем более когда речь идет об убийстве.

— «Сотка» «Ауди», — выдал Крячко. — Молодежь. Пили пиво, но, по-моему, все четверо были еще и под кайфом. Кокс или что-нибудь посерьезнее. Глаза, понимаешь, Лева?.. Ну и держались нагло. Хотя драться не умеют. Одним словом, наркоманы какие-то.

ГЛАВА 1

Крячко в тот вечер до темноты засиделся на работе. Как водится, в самый последний момент он вспомнил, что дома толком даже поесть нечего, а потому, как только добрался до своего района, направился в магазин.

Выйдя из супермаркета, Стас пошел вслед за молоденькой симпатичной девушкой, которая, громко стуча каблучками по сырому асфальту, шагала впереди него в направлении дома, где он и сам проживал. Она прикрывала длинные прямые темно-русые волосы серо-голубым зонтиком. С мудрой, уже не тревожащей его воображение грустью Крячко бесхитростно любовался еще не до конца сформировавшейся девичьей фигурой с тонкими ножками и старался от нее не отставать.

В магазине он набрал себе кое-что на ужин и в качестве десерта купил небольшой арбуз. Приобрел еще и пару бутылок чистящего средства. Каждые две-три минуты

Крячко вздыхал о прошедшей молодости, о невозвратности былого времени, которого ему теперь никто не вернул бы ни за какие заслуги. И о том, что ему уже никогда не обнимать такого прекрасного стана со всеми вытекающими из этого последствиями. Холостяцкая жизнь напрочь лишила его всего этого. Хотя... Смотря как на это взглянуть. Да и когда ему было заниматься всем этим, если каждый день на голову, как снег, валились то ограбление, то разбойное нападение. А то и убийство...

Когда он в очередной раз вздохнул, девушка, не выдержав, обернулась и обратилась к нему, как к больному пенсионеру:

— Вам нехорошо?

Крячко оторопел от такого вопроса. Он даже остановился, не зная, как реагировать на ее слова.

— В смысле? — насторожился он.

Крячко показалось, что он нарвался на какую-то грубость, а он не любил отвечать на хамские выпады представительниц слабого пола.

— Ну, вы так тяжело вздыхаете...

— И поэтому вы решили мне вызвать «Скорую»? — иронично поинтересовался он, упрямо не опуская на асфальт свои тяжелые сумки.

— Почему? Просто я подумала...

— Не надо, дочка, думать. Я в полном порядке, — горько улыбнулся Стас. — Ступай-ступай.

— У меня есть капли.

— Для чего?

— От сердца.

Это уже был явный перебор. Не выдержав, Крячко все же расхохотался, переложив в левую руку обе сумки, а правой почесав в затылке.

— Милая, я не инвалид. Ты бы пригляделась ко мне хорошенько.

— Но вы так тяжело вздыхали.

— Возьми у меня одну сумку, и я посмотрю, как будешь выглядеть ты, — Крячко добродушно рассмеялся, задрав на лоб бесцветные брови.

Девушка тоже рассмеялась и удовлетворенно отвернулась, бойко зашагав вперед. Крячко снова последовал за ней. Вскоре они свернули в одну и ту же арку, ведущую во двор его дома, и, уже не обращая на свою сердобольную попутчицу внимания, Крячко погрузился в анализ последнего дела, которое они с Гуровым никак не могли пока распутать. Но едва они оказались во дворе, как на них обрушилась ритмичная монотонная музыка. Она грохотала, как канонада, заставляя дребезжать даже стекла окон.

Н. Леонов, А. Макеев

■ Во дворе, нагло перегородив дорогу, стоя-

ла старенькая «Ауди-100» цвета металлик. Левое крыло машины было погнуто и замазано автошпаклевкой. Нижняя часть кузова буквально вся была ободрана грубой наждачной бумагой. Все четыре двери распахнуты.

Двое молоденьких парней, явно навеселе, стояли у машины и мочились на ее заднее колесо. Еще пара стояла у багажника, на котором возвышались несколько бутылок пива. Здесь же на клочке газеты лежала их небогатая закуска. Сыр, колбаса, консервы. Вторая пара стояла, держа на изготовку пластиковые стаканчики и ожидая своих товарищей. А в салоне иномарки то ли спал, то ли медитировал еще один затаившийся тип, лицо которого рассмотреть было практически невозможно. Откровенно говоря, Крячко при случае и сам бы не смог толком их описать. Было довольно темно. Компания была незнакомой. Свою местную шпану Крячко знал наперечет.

Девушка приостановилась, и Крячко подошел ближе к ней. Он еще плохо понимал, что творится за ее спиной, да ему и не до этого было.

Мелкий дождь молотил по мокрому блестящему корпусу автомобиля, но выпивающую молодежь это обстоятельство нисколько не тревожило.

— Дорогая, не поддержишь компанию? Без прекрасного пола у нас дело не идет, — обратился к девушке один из парней, рыжий, курносый, с рябым веснушчатым лицом.

— Я вам не компания, — строго ответила девушка.

— А что такое? Разве мы плохие парни? — обиделся тот.

Он был высок, широкоплеч, демонстративно как следует не застегнув брюки, пытался привлечь к себе внимание девушки. Наконец он застегнул ширинку и, пошатываясь, стоял в повернутой козырьком на затылок кепке, с густыми, словно окропленными кровью бакенбардами, в кричащей, с черепами и костями черной майке, поверх которой болталась не по размеру большая безрукавка. У него было узкое вытянутое лицо, выпуклые глаза, слюнявый кривой рот.

— У нас есть и сладкое, если водку пить боишься, — гаденько засмеялся он, явно намекая не только на спиртное.

Его приятель, стоящий рядом, громко заржал.

— Подойди, детка. А? — Он с ходу попытался расположить ее к себе столь незамысловатым способом.

Услышав последние слова, Крячко тоже остановился. Он поставил на асфальт тяжелые сумки, про себя подумав, что теперь ему

уже не избежать столкновения с этими негодяями.

— Елисей, давай ее к нам, — раздался голос третьего.

Он уже застегивал штаны, аристократически отведя вверх и в стороны мизинцы на еледвигающихся руках.

— Ну, вы скоро? — спросил один из тех двоих, что стояли у багажника «Ауди». — Сколько ждать?

Этот тип был в толстом свитере и широченных штанах. Близко посаженные глубокие глазницы прятались под массивными надбровными дугами. Он был небрит, голова наголо острижена, шея, покрытая плотным загаром, вся в белесых трещинах морщинок.

Стоявший с ним рядом товарищ с холемым лицом плейбоя носил усы и бороду. На нем была черная одежда, поэтому рассмотреть ее детали не представлялось возможным.

Парень, который пока еще стоял у колеса, только что завершил отправление своей естественной надобности. Он вытянул из кармана сигареты, демонстративно не глядя на девушку.

Тем временем попутчица Станислава в страхе остановилась и даже немного попя-

тилась назад от вплотную подошедшего к ней Елисея.

Тот, что стоял у машины, был в белом, но мятом костюме, в черном джемпере и в черных мягких туфлях. Рукава пиджака он задрал почти до локтей, и было видно, как черны от волос его тонкие руки. Застегнув ремень брюк, молодой человек внимательно глядел, чтобы не промахнуться с пьяных глаз мимо пачки, из которой он пытался вытянуть сигарету. На его руках было много украшений, на шее тоже что-то висело.

Ситуация с каждой секундой накалялась и грозила превратиться во взрыв необыкновенной силы. Один из парней, расположившихся у багажника, неожиданно выплеснул на землю пиво, отбросил от себя стакан и стремительно направился к рыжему веснушчатому детине. Крячко даже показалось, что он хотел исправить положение и успокоить своего товарища. Он молчал, когда шел, и, разумеется, было невозможно понять, что у него на уме. Но когда он поравнялся с Елисеем, то резко отодвинул его, толкнув в плечо, и тут же с ходу ударил девушку сначала левой, а затем правой рукой по лицу. Из тонкой девичьей кисти выскочил зонтик, и его ветром поволокло по асфальту.

— Давай не ломайся! Пригласили тебя как человека, так иди.

Удары были настолько сильными, что девушка взвизгнула от боли и пошатнулась, теряя координацию. Она попыталась убежать от напавшего на нее человека, но он не дал ей этого сделать, крепко схватив за запястье, и без разговора поволок к машине, как будто свою добычу. Одна нога у девушки подвернулась. Она упала на асфальт, и молодой человек волоком потащил ее к автомобилю, даже не глядя на то, что она в кровь разбивает колени. Девушка снова принялась кричать, но парень в белом мятом костюме пнул ее ногой в живот, и она обмякла, сразу же замолчав.

— Давай-давай, вали куда шел, — нагло, с нескрываемым презрением посоветовал Елисей, глядя на мужика, впавшего в ступор от увиденного.

Мужик этот был в легкой ветровке и клетчатой рубашке, с небольшим брюшком, нависающим поверх ремня, и, по мнению парня, не мог представлять для их группы никакой серьезной опасности.

— Проваливай, пока цел, лысая башка!

Крячко все еще стоял в некотором размышлении, явно раздражая этого типа своей бестолковостью.

— Что смотришь? Быстро взял свой ме-

шок и смылся! — крикнул наконец на него молодой человек.

— Так мне же туда, — с виноватыми интонациями сказал Станислав, взволнованно облизнув пересохшие губы и указывая куда-то мимо машины.

— Обойдешься, — ответил ему Елисей. — Здесь нельзя ходить. Понял?

Крячко скривил виноватое лицо, наклонился к сумкам, достал из одной арбуз, сделал резкий шаг навстречу грубияну и с силой парового молота ударил его арбузом в нос. Тяжелое круглое орудие с плотной коркой грохнуло по лицу неприятеля, как баскетбольный мяч, и огненно-красный фейерверк брызг полетел во все стороны. Густая каша перемешалась с арбузным соком, разукрасив с ног до головы Елисея, словно его окатили ведром воды. От такого удара молодой человек отправился в полет над асфальтом.

На этот звук обернулся парень в белом костюме. Он вдруг увидел, что к нему, пригибаясь к земле, словно боец группы «Альфа», бежит тот самый неповоротливый мужик, который до этого скромно болтался у девчонки на хвосте. Он подобно ветру налетел на своего нового противника, даже не дав ему себя ударить или хотя бы остано-

■ вить. Парень в белом костюме запоздало

взмахнул кулаками, но ни одно его проворное движение не угодило в цель. Он словно боролся с призраком. Крячко, не уязвимый для его ударов, сблизился с парнем на расстояние вытянутой руки и нанес резкий острый удар в область ребер, затем очень быстро и почти незаметно протиснулся у парня под мышкой и слегка ткнул его бедром на угол открытой двери, нанеся болезненную травму копчику.

Девушка без сознания лежала у заднего колеса машины, рядом с той лужей мочи, что оставили ее обидчики перед самым появлением потенциальной жертвы. В это мгновение рухнуло на асфальт лишенное чувств тело Елисея, о голову которого разлетелся сочный арбуз. Завтра в областной больнице ему констатируют смещение третьего позвонка, сильное сотрясение мозга и потерю зрения на правый глаз.

Крячко перескочил через тело девушки и схватил за ворот свитера того парня, который был небрит и отсвечивал лысиной в падавших из окон дома лучах электрического света. Увлеченный истязанием девушки преступник даже не понял, кто перед ним возник. Он вообще не заметил, что за девушкой кто-то стоит. Крячко на одну секунду заглянул в его глаза. Они были оловянными от принятой дозы кайфа. Парень

гневно зарычал, но оказался не готов к сопротивлению. Он только злобно оскалил рот, зубов в котором было в аккурат наполовину меньше того количества, которое выделено природой для человека, в ту же секунду получив по физиономии здоровенным пудовым кулаком.

Все произошло быстро. Лысый даже не успел оправиться от первого удара, как Крячко снова схватил его за ворот. На этот раз парень попытался вырваться, но рука у Крячко была крепкая, вырваться из ее захвата было фактически невозможно. Повинуясь законам инерции, парень описал вокруг Станислава стремительную дугу, теряя равновесие. Крячко помог ему с еще одним полуборотом, подсек под колено и шлепнул головой о магниевый диск колеса. Диск лопнул пополам, и в макушке несчастного засел один из крепежных болтов колеса. Удар был такой чудовищной силы, что парень отскочил от обода, как резиновый мяч, а потом, раскидывая руки, покатился по сырому асфальту.

В эту секунду Крячко почувствовал сильный удар по шее. Это была бутылка. Видно, с пьяного глаза последний из отморозков не попал Крячко по голове, в которую метил. Бутылка не раскололась, а, только завертевшись, улетела на детскую площадку.

Удар был достаточно чувствительным, но не настолько, чтобы лишить Стаса сознания. Когда напавший на него парень схватил с багажника бутылку, он не учел того факта, что багажник не на замке. Его крышка тут же поднялась вверх. Увидев внутри огнетушитель, преступник попытался нанести им Крячко хоть какое-нибудь увечье, но так и не смог, сколько ни размахивал своим баллоном.

— Не подходи, сука! — вскричал он.

Крячко легко поймал придурка за руку, вырвал из нее злосчастный баллон, вскинул его над головой и опустил на макушку противника. Баллон отскочил от макушки со звенящим эхом. В нем лопнул предохранительный клапан, и из огнетушителя ударил поток химической пены. Крячко бросил баллон в багажник, отправил туда же оседающего на колени преступника, забросив его внутрь, как бодливого барана. Потом резко захлопнул багажник, отряхивая от пены руки и оставив несчастного наедине с работающим огнетушителем.

Мелкая неприятная морось усилилась и перешла в холодный осенний дождь, падавший острыми косыми нитями. Из багажника иномарки несколько раз бессильно ударили кулаком, потом человек, сидевший в нем, надсадно заорал, а Крячко беглым взгля-

дом окинул поле боя и, смачно сплюнув, спросил:

— Чего им не хватает на свете? Кто мне ответит?

Станислав не обращался ни к кому конкретно. Вопрос был чисто риторическим. В нем был и упрек, и осознание того, насколько серьезны те травмы, которые он вынужденно причинил молодым отморожкам. Дождевые капли сыпались на неподвижно лежащие тела.

Крячко понял, что нужно остановиться и перевести дух. Он решил осмотреться, забрать с места происшествия свои вещи и уйти.

Вокруг валялись пять неподвижных тел. Неожиданно застонала девушка. Стас приблизился к ней и приподнял за плечи. Девушка очень медленно начала приходить в себя, некоторое время она только изумленно озиралась по сторонам, повторяя одно и то же:

— Что тут случилось? Я, кажется, потеряла сознание?.. — спрашивала она.

Крячко подал ей руку, и она поднялась с разбитых колен. Кровь сбегала в ее проравшиеся чулочки, замки на сапожках разошлись. Станислав перешел к салону автомобиля и заглянул внутрь. В правом от водителя кресле неподвижно сидел человек.

Он был в наушниках от плеера и отсутствующим взглядом пожирал одну и ту же точку где-то в темноте. Можно было бы подумать, что он вообще мертв, настолько безжизненно этот тип развалился в кресле. Но Крячко с трудом разглядел в темноте, что челюсти парня медленно пережевывают резинку. Он к происшествию не имел никакого отношения, хоть и прибыл в этот двор со своими приятелями. Взять с него было нечего. Он был либо совершенно пьян, либо находился в глубокой наркотической нирване.

Крячко машинально отметил его приметы. Худощавый брюнет с высоким лбом, овальное ухоженное лицо, прямой нос, усы, аккуратно подстриженная борода, немного выступающая вперед нижняя челюсть.

Крячко не стал тревожить паренька, обошел машину, заглянул с любопытством в кабину, протянул вперед руку, опираясь о руль, и, наконец, отключил орущую автомагнитолу. Потом погасил фары, вытянул портмоне с правами и техпаспортом и отошел от машины. Права он тут же раскрыл, пробежал по ним глазами, запомнил первую и вторую страницы, потом спрятал документы в карман. Вернулся к своим сумкам, подобрал их и медленным шагом приблизился к девушке.

Жертва уличного нападения, сморщив лицо от навалившейся на нее головной боли, коротким взглядом оценила незнакомого человека. На ногах ее кровоточило множество мелких ссадин и ранок. Крячко обратил внимание на то, как быстро ее одежда превратилась в порванные лохмотья. Станислав понял, что девушке немедленно нужна медицинская помощь.

— Вас били, — спокойно пояснил он. — Я имел честь заступиться за вас. Сейчас вызову «Скорую помощь», однако если у вас нет никакого желания ехать в больницу вместе со своими обидчиками, то я вполне удовлетворительно окажу вам первую медпомощь. У меня дома есть аптечка со всем необходимым. Раны достаточно глубокие, их требуется обработать. Да и вообще, вам нужно привести себя в порядок. Возражения есть?

Крячко заметил, что девушка находится в заторможенном состоянии, и отметил для себя, что это может быть признаком какого-нибудь временного нарушения нервной системы.

— Вы как? — сдавленным голосом спросил он.

— Ну... Как будто бы ничего, — безразлично, словно освобождаясь от тяжкого

сна, ответила спасенная. — Только ноги разбиты и голова гудит...

Девушка молча подобрала свой зонт, который далеко отнесло от места событий холодным ветром. Он плавал в большой неглубокой луже.

— Вас как зовут? — спросил Крячко, обходя вместе с девушкой автомобиль.

Из одной сумки он достал вчетверо сложенную газету и прикрыл ею голову от разгулявшегося не на шутку дождика.

— Наташа, — ответила она.

Девушка, стряхнула с зонта на землю влагу и песок. Затем вернулась к Станиславу, вся продрогшая и истерзанная. Наташа раскрыла над головой Крячко свой сероголубой зонтик, чтобы мужчина больше не мок под дождем. Ветер волнами нагонял его косые струи, и поэтому оба, и полковник, и его спутница, поспешили прочь от этого злополучного места, чтобы, вдобавок к неприятностям сегодняшнего вечера, еще и не простудиться.

— Убирайте газету, вас не намочит, — участливо посоветовала Наташа.

Вела она себя несколько замкнуто, но шла, тесно приблизившись к Стасу.

— Не люди, а уроды, — злобно произнесла она. — Голова у меня, как чугунная... Гудит вся. Куда мы? — уже совершенно